

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
3-88

Разработка художественного оформления
серии *А. Бондаренко*

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты
работ художника *Ивана Владимирова*

Фотография на корешке суперобложки:
Архивный фонд РИА Новости

Зощенко, Михаил Михайлович.

3-88 Юмористические рассказы / Михаил Зощенко. —
Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Библиотека всемирной
литературы).

ISBN 978-5-04-107297-1

Михаил Зощенко (1894—1958) известен в первую очередь как писатель-сатирик, автор необыкновенно смешных рассказов и фельетонов. Его персонажи неоднозначны: с одной стороны наивные, даже простодушные, однако подчас способные и унижить, и оскорбить, а порой и убить, особенно если дело касается их собственности. И тем не менее, они вызывают поистине гомерический хохот.

В эту книгу кроме избранных рассказов писателя вошел цикл новелл «Голубая книга», который он называл «краткой историей человеческих отношений», где рассказы о современности чередуются с рассказами о прошлом.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-04-107297-1

© Зощенко М.М., наследники, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Содержание

ПЕЧАЛЬНЫЙ ГЕНИЙ СМЕХА

Наталья Иванова

11

РАССКАЗЫ

АРИСТОКРАТКА

21

ЖЕРТВА РЕВОЛЮЦИИ

24

ЖЕНИХ

27

СОБАЧИЙ НЮХ

31

ЛЮБОВЬ

33

ДИКТОФОН

35

КИТАЙСКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

38

СЧАСТЬЕ

40

АЛЬФОНС

43

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

46

ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК

48

ТЕПЕРЬ-ТО ЯСНО	51
КРЕСТЬЯНСКИЙ САМОРОДОК	53
МЕЩАНСТВО	56
НЕРВЫ	57
СТАКАН	59
УТОНУВШИЙ ДОМИК	62
СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО	63
ЧЕТЫРЕ ДНЯ	65
ДАМСКОЕ ГОРЕ	67
РЕЖИМ ЭКОНОМИИ	68
БЕШЕНСТВО	70
МОНТЕР	72
ПРЕЛЕСТИ КУЛЬТУРЫ	74
ЛИМОНАД	77
СУЕТА СУЕТ	79
ХИРОМАНТИЯ	80
МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО	82
ДРАКА	84
ОПЕРАЦИЯ	86
ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ	88

БОЛЬНЫЕ	90
ИНОСТРАНЦЫ	91
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ	93
ВРАЧЕВАНИЕ И ПСИХИКА	97
ЗАПАДНЯ	102
ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА	106
ВОДЯНАЯ ФЕЕРИЯ	110
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ	113

ГОЛУБАЯ КНИГА

ПРЕДИСЛОВИЕ	121
ДЕНЬГИ	125
РАССКАЗЫ О ДЕНЬГАХ	
СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО	151
РАССКАЗ ПРО НЯНЮ, ИЛИ ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ У ЭТОЙ ПРОФЕССИИ	153
МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ	157
ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, КОНЧИВШАЯСЯ ДЛЯ ОДНИХ ПЕЧАЛЬНО, ДЛЯ ДРУГИХ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО	160
РАССКАЗ ПРО ОДНОГО СПЕКУЛЯНТА	163
РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЖЕНА НЕ РАЗРЕШИЛА МУЖУ УМЕРЕТЬ	166

РАССКАЗ ПРО ОДНУ КОРЫСТНУЮ
МОЛОЧНИЦУ
171

ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
ПРО ЧЕЛОВЕКА, ВЫИГРАВШЕГО ДЕНЬГИ
174

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ПОД ЛОЗУНГОМ
«СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ»
181

ПОСЛЕСЛОВИЕ
187

Любовь
189

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ

РАССКАЗ О СТАРОМ ДУРАКЕ
212

ЖЕНИТЬБА — НЕ НАПАСТЬ,
КАК БЫ ПОСЛЕ НЕ ПРОПАСТЬ
216

РАССКАЗ О ПИСЬМЕ
И О НЕГРАМОТНОЙ ЖЕНЩИНЕ
218

РАССКАЗ ПРО ДАМУ С ЦВЕТАМИ
222

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ
228

СВАДЕБНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
233

ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ
236

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ,
ПОД НАЗВАНИЕМ «КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ»
245

ПОСЛЕСЛОВИЕ
248

КОВАРСТВО
250

РАССКАЗЫ О КОВАРСТВЕ

ИНТЕРЕСНАЯ КРАЖА В КООПЕРАТИВЕ
279

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЧЕМОДАН УКРАЛИ
283

ПОИМКА ВОРА
ОРИГИНАЛЬНЫМ СПОСОБОМ
(БЫЛЬ)
285

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ
289

РАССКАЗ О ПОДЛЕЦЕ
293

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ В ГОСТЯХ
298

ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
С КАССИРШЕЙ
302

ХИТРОСТЬ, ДОПУЩЕННАЯ
В ОДНОМ ОБЩЕЖИТИИ
305

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ДЕВОЧКЕ
САПОЖКИ ПОКУПАЛИ
306

ИСТОРИЯ С ПЕРЕОДЕВАНИЕМ
308

ПОСЛЕСЛОВИЕ
311

НЕУДАЧИ
314

РАССКАЗЫ О НЕУДАЧАХ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ВОЛГЕ
346

РАССКАЗ О БАНЯХ И ИХ ПОСЕТИТЕЛЯХ
349

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА
353

РАССКАЗ ОБ ИМЕНИННИЦЕ
357

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ
ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ
361

ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
В КАНЦЕЛЯРИИ
364

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
С ОДНИМ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ
368

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРОГО
ВЫЧИСТИЛИ ИЗ ПАРТИИ
374

РАССКАЗ О БЕСПОКОЙНОМ СТАРИКЕ
376

РАССКАЗ О ЗАЖИТОЧНОМ ЧЕЛОВЕКЕ
382

ПОСЛЕСЛОВИЕ
385

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ
388

ПОСЛЕСЛОВИЕ
419

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЯТОМУ ОТДЕЛУ
БЕДНАЯ ЛИЗА
421

РАССКАЗ
О СТУДЕНТЕ И ВОДОЛАЗЕ
426

ПРОИСШЕСТВИЕ
429

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ
ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ
433

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ
438

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВСЕЙ КНИГЕ
441

ПРОЩАНИЕ С ФИЛОСОФОМ
442

ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ
445

ПЕЧАЛЬНЫЙ ГЕНИЙ СМЕХА

Михаил Михайлович Зощенко происхождением своей фамилии обязан слову «зодчий» — архитектором был один из его предков, итальянец, работавший в России. Совершенным итальянцем был Зощенко и внешне: темноглазым южанином-брюнетом с оливковой кожей. Родившимся в Петербурге, прожившим жизнь в Ленинграде, умершим в Сестрорецке (под Ленинградом) и там же похороненным — хоронить в Ленинграде власти не позволили.

Партийным постановлением 14 августа 1946 года Зощенко и Ахматову вывели за пределы советской литературы. Был ли там Зощенко вообще? «Состоял» ли он в ней?

Полагаю, что нет.

Полагаю, что всем тем, что он написал, он ставил себя *за ее пределы*. Как внешний ее наблюдатель и комментатор.

Впрочем, не только и не столько советской литературы, но и советской жизни.

Он был живым инструментом, погруженным в ее раствор, реагирующим и регистрирующим ее проявления. Несмотря на то что начиная с 1922 года у него один за другим выходили все новые сборники рассказов, несмотря на то что в 1929–1932 годах уже появляется шеститомное (!) собрание его сочинений, несмотря на то что рассказы и фельетоны Зощенко в 20-х годах печатаются в журналах «Красная новь», «Огонек», «Мухомор», «Смехач», «Пушка», «Бегемот», «Чудак», «Ревизор»; что в 30-е годы он плодотворно работает для театра, а в 1939 году за писательскую деятельность получает орден Трудового Красного Знамени, — считаю, что *советским* писателем Зощенко не

был, и реакция официоза — постановление — на него и Ахматову и последующее исключение из Союза *советских* писателей были логичными и правильными.

Сам Зощенко воспринял это как оскорбление, как смертельную рану — не смог *отстранить* себя психически от происходящего (как смогла это сделать поэт с большей душевной стойкостью — Ахматова).

На встрече с английскими студентами в 1954 году (уже после смерти Сталина!) Зощенко заявил, что он не согласен с постановлением. Последовала новая волна травли. И психически, и физически Зощенко ее уже не выдержал.

Да, инструмент эпохи — и тончайший!

Он начинал не как пересмешник — в 1919-м ходил в студию при издательстве «Всемирная литература» к Корнею Чуковскому, уже тогда маститому, — как литературный критик. Но когда он прочел вместо доклада пародию — вот это был успех! С 1921-го он свой среди сообщества «Серapiоновых братьев».

В богатейшей натуре Михаила Михайловича Зощенко удивительно сочетались различные методы художественного исследования реальности. Артистической реакцией Зощенко на реальность были одновременно смех и слезы, улыбка и печаль, радость и страдание, острое переживание счастья с не менее острым и болезненным переживанием горя.

Первые рассказы и фельетоны необыкновенно смешны.

До сих пор, несмотря на опережающее «серьезную» словесность развитие эстрадных жанров (вплоть до Жванецкого и Шендеровича, его явных и единственных пока литературных наследников и продолжателей), никто не *пересмешил*, не обошел по смеховой части.

Вторая половина его деятельности необыкновенно печальна. Откровенно говоря, уже с «Сентиментальных повестей» читателю временами становилось грустно: истории заканчивались печально, мотив смерти был преобладающим.

Социально-смешное, пародированное с энергией зощенковской молодости соединилось с метафизически-лирическим. В одном флаконе — это и была зощенковская уникальная смесь, навсегда отдавшая ему сердца читателей и навсегда отвратив-

шая от него диктатора и его исполнителей. *Чуждость* Зощенко не только режиму, но самому *новому советскому человеку* в его проявлениях была очевидна — в том числе и советской официальной литературной критике, с самого начала преследовавшей и «разоблачавшей» его.

И в самом деле.

Если внимательно прочитать — лучше вслух!

Не только диалоги, сам язык рассказчика примечателен, как зуб золотой во рту у *аристократки*, — Зощенко описывает вполне наивно, как бы действовал художник-примитивист, вполне наивных и даже простодушных персонажей. Монстров и монстриков? Да нет, вроде бы совсем обыкновенных. Но с монструозным, до времени скрытым в них потенциалом. Способны и убить (за собственность), придушить, унижить, оскорбить. И способны — любить и страдать. Только очень по-своему.

Персонажи Зощенко при всем вызываемом ими спазматическом хохоте не могли прибавить самому писателю оптимизма и душевного веселья. Напротив. Чем больше их набиралось, тем тяжелей был душевный перегруз. То, что Зощенко принял за проблему собственной психики и чему он посвятил поздние свои книги, на самом деле было его человеческой, художественно-эмоциональной реакцией на свое собственное авторское продуцирование/освоение, смесь реального с ирреальным, на зеркало, схожее с абсурдистским полотном.

Путь Зощенко — это путь все возрастающей сложности (с одной стороны) и насильственного самоупрощения (с другой).

Первоначальные персонажи — все-таки скорее одно-, чем многоклеточные.

Персонаж-объект был при этом и самовыражающимся, — и это, собственно говоря, мало на что влияло. Например, в «Аристократке» самовыражение и самого рассказчика (я), и его «аристократки» идет через языковые особенности персонажа типового зощенковского литстроительства: «Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках». Социальный язык персонажа превалирует, если вообще не подавляет индивидуальный. То же самое можно заключить при внимательном прочтении все-

го лишь одной реплики «аристократки»: «Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездят с дамами».

В «Сентиментальных повестях» картина меняется: интерпретация человека у Зощенко уходит от персонажа-объекта к персонажу-субъекту. Чем дальше, тем больше приоткрывается форточка, а потом и окно, а потом и дверь в персонажные психологические *внутренности*.

Ничего разоблачительного (в отличие от первых рассказов и фельетонов) в «малогероической книге», как сказано в первом предисловии масочного псевдоавтора И. В. Коленкорова, здесь нет. Коленкоров — обращаю внимание читателя — предупреждает: «Эта книга специально написана о маленьком человеке, об обывателе, *во всей его неприглядной красе*» (курсив мой. — *Н. И.*). И правда — Зощенко в «Сентиментальных повестях» жалеет персонажей И. В. Коленкорова, проза коего «звучит для некоторых критиков какой-то визгливой флейтой, какой-то сентиментальной оскорбительной требухой».

В следующем, тоже масочном «Предисловии ко второму изданию» некто К. Ч. (не Корнея ли Чуковского, своего первого «руководителя семинара», Зощенко вспомнил?) как бы пытается оправдать псевдоавтора перед читателем. Да, Коленкоров родился в «мелкобуржуазной семье дамского портного», поэтому либерален и сентиментален. Но «принадлежащий к правому крылу попутчиков», он теперь под руководством М. М. Зощенко «перестраивается и, вероятно, в скором времени займет одно из видных мест среди писателей натуральной школы».

И тем не менее — в «Предисловии к третьему изданию» — уже второй псевдокомментатор, *С. Л.*, перекладывает ответственность за «галерею уходящих типов» на самого Коленкорова. А в «Предисловии к четвертому изданию» сам *Мих. Зощенко* уведомляет непонятливых критиков, что «выдвиженец» И. В. Коленкоров — для которого характерны «неврастения, идеологическое шатание, крупные противоречия и меланхолия» — «есть, так сказать, воображаемое лицо. «Литературный прием»! И нечего критикам замахиваться на «беззащитного писателя».

Каждая из «Сентиментальных повестей» заканчивается трагически.

Забезжин, главный герой повести «Коза», ошибся — хотел жениться на предполагаемой хозяйке козы, а все оказалось сложнее: и коза не ее, и со службы уволили: «Так погиб Забезжин». В «Аполлоне и Тамаре» погибают и красавец-тапер Аполлон Перепенчук, и нежно любимая им Тамара. В «Мудрости» сначала удаляется от людей, уединяется, а потом, решив к ним вернуться, внезапно умирает красавец с южным темпераментом Иван Алексеевич Зоценко.

И так далее.

А повесть «Люди»? Не повести, а все какие-то *реквиемы!*

Как замечает проницательный повествователь, на самом деле явно и очевидно полемизирующий с рапповскими, потом соцреалистическими идеями о «положительном герое наших дней» в ракурсе «светлого будущего»: «...нет! Не только нету сколько-нибудь замечательного героя, но нету даже посредственного человека, о котором интересно и поучительно говорить. Все мелочь, мелюзга, мелкота, о которых в изящной литературе в современном героическом плане и говорить не приходится.

Но, конечно, автор все-таки предпочтет совершенно мелкий фон, совершенно мелкого и ничтожного героя с его пустяковыми страстями и переживаниями, нежели он пустится во все тяжкие и начнет заливать пулю насчет какого-нибудь совершенно не существующего человека. Для этого у автора нет ни нахальства, ни особой фантазии.

Автор, кроме того, причисляет себя к той единственной честной школе натуралистов, за которыми все будущее русской изящной литературы».

Этими «реквиемами», а также масками авторов предисловий, тщательно завернутыми «матрешками» литераторов-персонажей Зоценко одновременно и прячет себя, и хочет искупить уже осознаваемую им как писателем вину за *разоблачение* человека-клише в ранних рассказах.

Ему не простили ни первого, ни второго.

Зоценко пытался спасти положение и выправить ситуацию — сначала исследующей неврозы «Возвращенной молодостью» (1933), затем «Историей одной жизни» (1934) — о *перековке* личности в условиях сталинского лагеря (строительство